НАСТОЯЩЕЕ - БОРЬБА, БУДУЩЕЕ - СВОБОДА!

ЧЕРНОЕ ЗНАМЯ

№ 3[6] 1990

ИЗДАТЕЛЬ АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОЮЗ

РЕВОЛЮЦИЯ НАРОДА

Социальная революция - это не бунт "бессмысленный и беспощадный", это не разгул мерзких и низменных страстей; это не ломка человеческих рёбер и черепов. Нет! Социальная революция - это крушение отживших общественных отношений; это направленный удар по Государству и эксплуатации; активное волеизъявление народных масс; прямое действие революционного авангарда. Революция, говоря словами М.А.Бакунина, - есть "реализация свободы". Свободы настоящей, а не засушенной в параграфах конституций.

Нас, революционных анархистов, часто обвиняют в том, что мы являемся противниками политических свобод. Это обвинение - сущий вздор! Анархисты никогда не отвергали борьбу за политические свободы. Но и не пели им дифирамбов. Мы всегда указывали, что конституционные свободы есть бумажная фикция. Они не дают народу никаких гарантий. Любой конституционный пункт обрастает зловонной кучей законов и постановлений, которые парализуют волю и действия народа. Свобода митингов и демонстраций выливается в свободу применения милицейских дубинок. Свобода печати - в монополию государства на средства массовой информации и в свободу манипулирования массовым сознанием. Распространение же независимых изданий карается статьями административного кодекса. Но, не смотря на это, мы отрицаем не политические свободы, а тот способ, который предлагают для их завоевания политические партии: реформизм, парламентаризм, захват власти.

Известный анархист Я.Новомирский писал по этому поводу: "...мы утверждаем, что закон является для буржуазии /а мы добавим и для Государства.-Д.Ж./ только покрывалом, которое оно бесцеремонно бросает на землю, когда находит это нужным. И потому конституция и законность самые плохие опоры народной свободы".

Политическая свобода - это обман, если она не подкреплена экономическим и социальным освобождением. Пока существует социальное неравенство - нечего и говорить о свободе. За неё нужно бороться!

Сегодня с различных трибун усиленно пропагандируется идея создания в нашей стране правового государства, т.е. такого государства, где верховенствует закон. Интересно всвязи с этим проанализировать происхождение закона.

Даже такой буржуазный философ XVIII века, как Жан Жак Руссо, критикуя англичан, кичившихся своими парламентскими традициями, писал в своей книге "Общественный договор": "Английский народ думает, что он свободен; он жестоко ошибается, он свободен только во время выборов в парламент; как только депутаты выбраны, - он раб, он ничто. То употребление, которое делают англичане из своей свободы в эти короткие промежутки, заслуживает того, чтобы они её лишались".

Мы, анархисты, настойчиво утверждаем: параграфы конституций и законов слишком слабые гарантии народных вольностей. Один параграф легко заменяется другим, когда это нужно правящим классам. Самый прогрессивный закон превращается в мёртвую букву под тяжёлой государственной дланью. В случае серьёзного рабочего волнения правительство объявит чрезвычайное положение, введёт войска и силой оружия "разрешит трудовой конфликт".

Это не означает, что всё переродится в миг, как по мановению волшебной палочки. Несомненно будет относительно длительный переходный период, во время которого общество будет прибегать к наказаниям.

"В течение всего переходного, более или менее длительного, периода, который неминуемо последует за социальной революцией, общество - в интересах самозащиты от неисправимых лиц, не преступных, но социально опасных, - не будет иметь нужды применять к этим лицам какие-либо наказания, кроме лишения их гарантий и солидарности, т.е. устранения или исключения их из данного общества". /М.А.Бакунин/

П.А.Кропоткин писал, что "в основе его лежат или бог - это создание стихийного страха дикарей, или кровавая победа, достигнутые огнём и мечом... ...отличительная черта его - неподвижность, косность, а не эволюция, между тем как человечество развивается непрерывно".

Закон статичен, он всегда плетётся в хвосте событий и фиксирует пост - фактум. Власти постепенно узаконивают то, что раньше преследовали, чтобы избежать социальных потрясений и не лишиться привилегий вовсе.

Например, летом 1989 года по стране прошла волна шахтёрских забастовок. Горняки явочным порядком устанавливали самоуправление, захватывали государственную собственность в коллективное пользование, лишали аппаратчиков льгот. На сессии Верховного Совета проснулись, заёрзали и выродили куцый, кастрированный закон о забастовках. Были созданы правительственные комиссии, которые с большим трудом подтвердили проделанное шахтёрами.

Закон имеет двойственный характер: совмещение обычаев полезных для общества с обычаями, которые возводят эксплуатацию в систему.

"...закон должен быть уничтожен в тот день, когда народ захочет разорвать свои цепи" - призывал Кропоткин. Единственно чему человек должен с необходимостью подчиниться - это естественные законы природы. Восстание против них - это восстание против самого себя. В программе общества Международной революции Бакунин писал: "Человек не свободен по отношению к законам природы, которые являются основой и необходимым условием его существования...всякая попытка человека к восстанию против этих законов привела бы его лишь к самоуничтожению".

Экономическое и социальное освобождение может принести только Социальная революция. Реформисты нам говорят: "Вы зовёте людей на революцию. Желаете достичь коммунизма сразу. Но массы не готовы. Государство необходимо. Иначе катастрофа, хаос!"

На это мы, анархисты, отвечаем: воспитать коммунистическое сознание можно только в действии, в революции. Нельзя не отметить правоту молодого Маркса, который писал в "Немецкой идеологии": "...свергающий класс только в революции может избавиться от всей старой мерзости и стать способным создать новое общество".

Для того, чтобы победить, Революция должна в первый же день заявить о своих преимуществах. Необходимо с первых же дней организовать общество на новых свободных началах. Надо дать развернуться народной инициативе. Но все усилия будут тщетны, если в недрах старого общества не будут подготовлены ячейки нового. Эти ячейки - рабочие синдикаты /профессиональные объединения/, которые ставят своей целью овладеть средствами и продуктами производства. Введение самоуправления явочным порядком, налаживание свободного производства и обмена, установление пролетарского контроля, пролетарская самооборона - вот революционные задачи рабочих синдикатов.

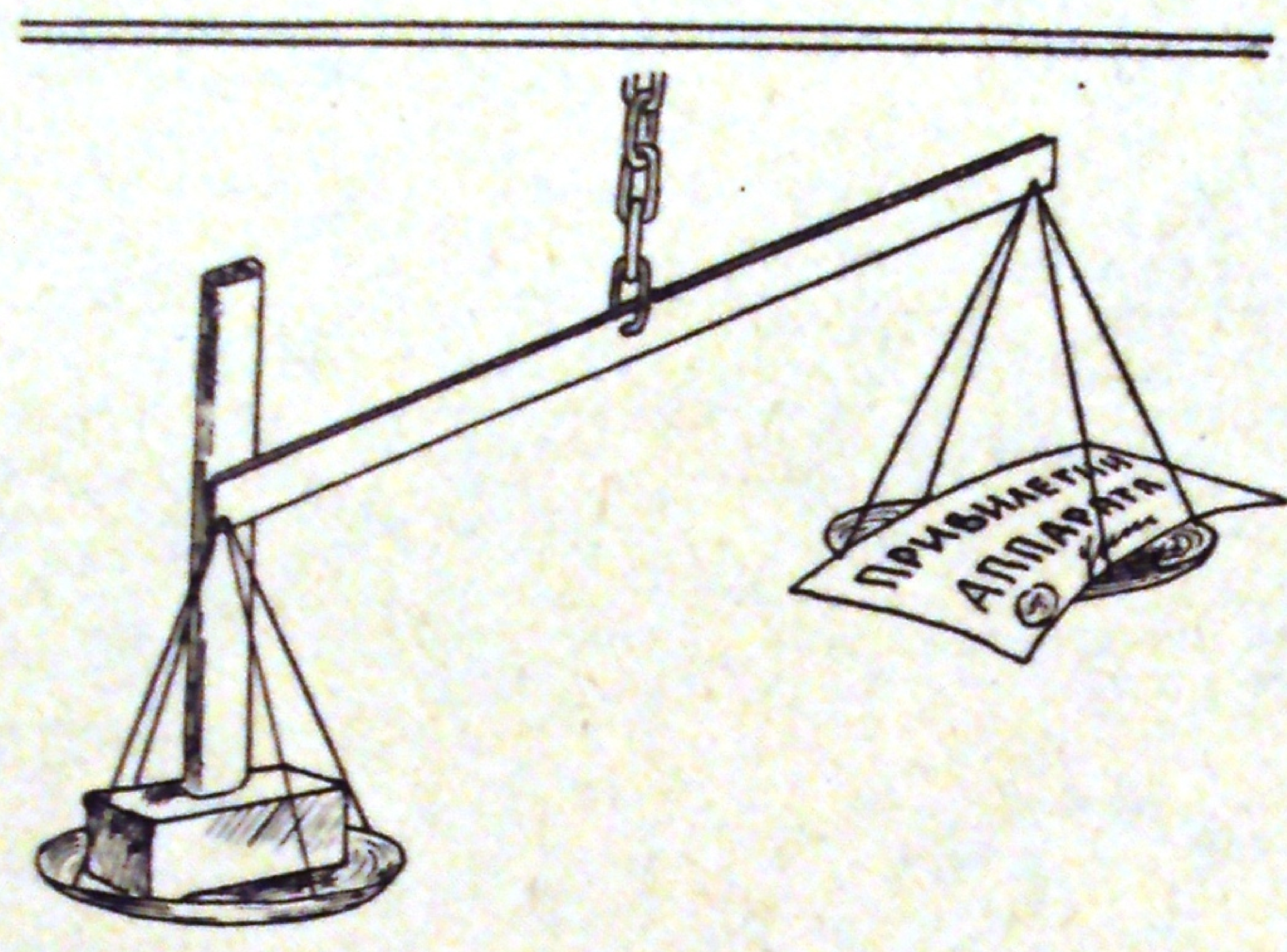
Наши лозунги таковы:

"Революция для народа - самим народом!"

"Действовать, а не болтать!"

Д. Ўвания.
АКРС, Ленинград.

ИЗВЕЩЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИЙ-УЧРЕДИТЕЛЕЙ РАБОЧЕГО СУДА

Принимая во внимание наличие в СССР на текущий момент:

а/ господствующего класса противоположного рабочим и нещадно эксплуатирующего их;
б/ бюрократического антирабочего законодательства;
в/ репрессивно-коррумпированного бюрократического аппарата;
г/ всё более разгорающегося социального противостояния;

а также, учитывая недостаточную развитость собственного рабочего движения, его повсеместную неорганизованность в массовые независимые профсоюзы и, следовательно, не имеющего пока объективной возможности отстаивать свои классовые интересы путём выдвижения солидарно-коллективных требований, подкрепляемых забастовочной готовностью;

а также, убеждаясь в неизбежности грядущего качественного социального обновления и посильно способствуя его скорейшему началу, -

ЦЕНТР ВЗАИМОПОМОЩИ РАБОЧИХ ПРОФСОЮЗА "НЕЗАВИСИМОСТЬ" И ЛЕНИНГРАДСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ "РАБОЧАЯ ИНИЦИАТИВА"

провозглашают учреждение

Р А Б О Ч Е Г О С У Д А,

как автономной альтернативной структуры официально-государственным институтам правящего режима.

При этом организации-учредители сознательно воздерживаются от регламентации деятельности Рабочего Суда какими бы то ни было предварительными условиями, полагая, что сама практика его определит в конечном итоге те рамки, в коих подобное функционирование окажется наиболее значимым и плодотворным.

Организации-учредители Рабочего Суда также поясняют, что возможность присоединиться к их настоящему решению предоставляется всякой иной рабочей организации, имеющей своими целями борьбу за освобождение труда и профессионально-классовые интересы рабочих.

Принято на совещании Центра Взаимопомощи профсоюза "Независимость" и Ленинградской городской организации "Рабочая инициатива".

Январь, 1990 г.

ВСТРЕЧА

/почти по Чехову/

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подёрнутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флёрдоранжем. Тонкий же только что вышел из вагона.

- Ба! Анархист!- воскликнул толстый, увидев тонкого.- Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

- Батюшки!- изумился тонкий.- Марксист!

Приятели не стали обниматься, а устремили друг на друга глаза, полные вопросов. Оба не были приятно ошеломлены.

/Далее диалог продолжался не совсем по Чехову/

- Ну, где ж тебя так долго черти носили? - голос толстого раздавался хоть и снизу, но свысока: чувствовалось, что повелительные интонации занимали в нём привычное и далеко не последнее место. - Да-а-в-ненько не виделись. Я уж думал: не увижу тебя более... Ан нет, объявился! Ну, рассказывай, рассказывай. Где был? Что делал?

- Да вот, шастал по России-матушке. Всё смотрел когда же эта ваша "временная диктатура" кончится, когда государство отмирать начнёт и наступит светлое будущее...

- Ну и как? Увидел?

- Увидел. Досыта насмотрелся! И войска кругом, и тюрьмы, зоны да лагеря - "Николашке-кровавому" такое и не снилось. Сильно государство твоё, марксист, ох сильно, а порядку в нём нет! Народу жрать нечего - талонами кормишь, да обещаниями! Войско укрепил, а экономику развалил! Как же так? Объясни мне, бестолковому, когда же...

- Ну, полно!- поморщился толстый. - Для чего этот тон? Совсем ты, я вижу, не изменился - всё такой же торопыга. Да не волнуйся ты за государство. Отомрёт. Ей-ей отомрёт.

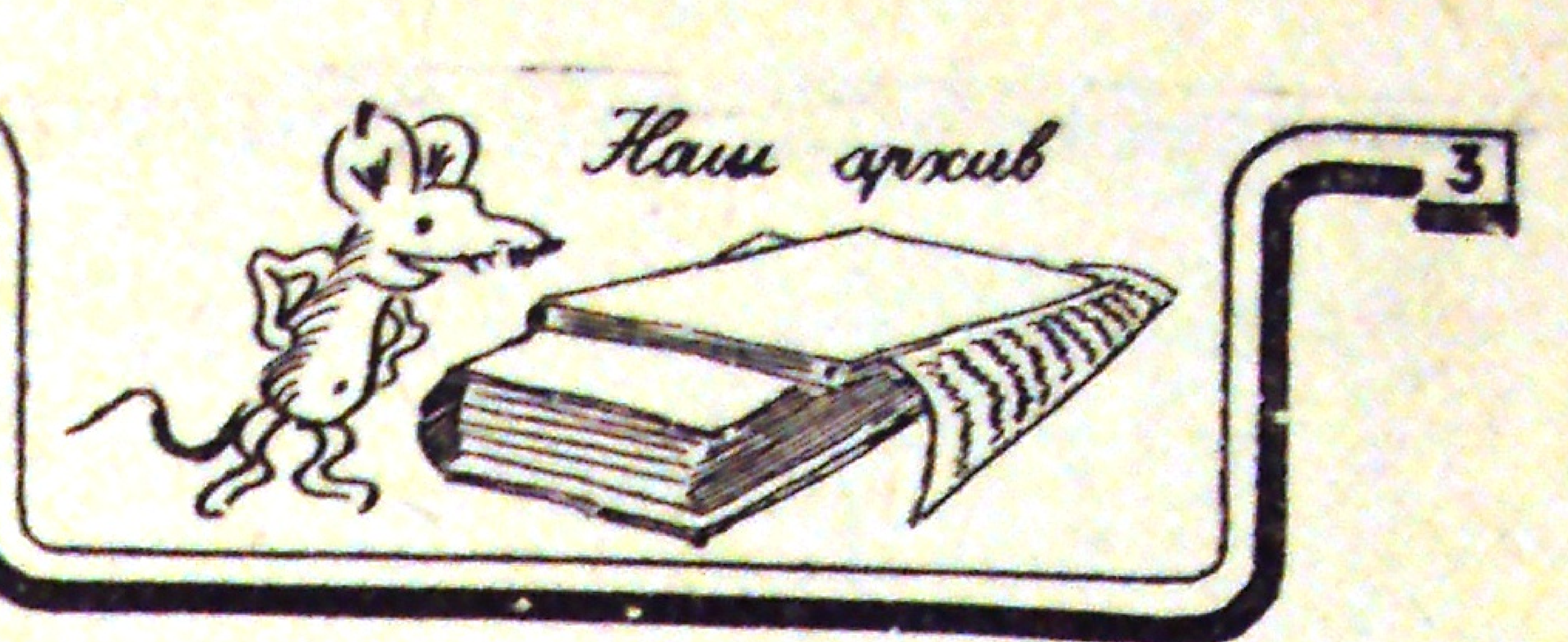
- Но, когда же? Ведь сколько лет...

- А сколько надо!- резкость интонации толстого поднялась до металлической.- И за экономику зря волнуешься. У нас всё по плану. На чём ученье Маркса основано, хоть помнишь?-металл в голосе начал приобретать оттенок снисходительности- ... То-то, братец, на экономике. Вот и считай, что мы государство разрушать с экономики и начали!

Толстый повернулся, и не спеша, хозяйственной походкой двинулся к выходу. По ней явственно чувствовалось, что он весьма собою доволен. Тонкий же, уже совсем не по Чехову, ещё долго в одиночестве изображал заключительную сцену бессмертной комедии Гоголя.

Разговор случайно услышал, но не случайно записал

Илья Вольберг.
АКРС, Ленинград.

ГОСУДАРСТВО

Что такое государство? Мы уже знаем ответ на этот вопрос. Государство это организация для охраны существующей формы собственности, т.е. данной формы эксплуатации. Во все времена, со времён Востока и до наших дней, все классовые общества опирались на Государство. Китай, Египет, Индия, Иудея, Рим, Греция, средневековые городские коммуны, вольные города, монархии и республики,- словом все исторические общества вырабатывали только особые формы государственной власти, как только внутри их развивался классовый антагонизм. Разнообразие государственных форм определялось разнообразием отношений борющихся классов.

Но и восточная деспотия, и городская коммуна, и вольный Новгород, как и всякое государство, имеют одну основную задачу - охранять существующую форму собственности. Как это сделать? Способ только один: предупреждать и карать всякое покушение на неё.

Это достигается раньше всего тем, что создаётся целая система общеобязательных норм, система права. На этой почве рано или поздно вырастает специальный орган - законодательная власть. В обществах с малочисленным господствующим классом, сосредоточенным в одном центре, таким законодательным органом является весь господствующий класс в целом, собранный на народном вече.В более обширных обществах, с углублением класовой борьбы, законодательная функция переходит к предводителю господствующего класса - королю или какой-нибудь выдающейся группе семейств из среды господ. В буржуазном обществе официально законодателем является самодержавный народ, фактически собрание делегатов буржуазии - парламент, подобно тому, как официально в буржуазном обществе каждый человек получает из национального богатства пропорционально своей общественой полезности, а фактически всё богатство - в руках одной буржуазии: как в производстве рабочие тратят свою жизнь только для того, чтобы увеличить материальную мощь буржуазии, так в парламенте представители рабочих только усиливают авторитет политической диктатуры буржуазии.

Кроме законодательной власти, нужен орган, который имеет своим назначением решать вопрос о том, нарушен ли закон и какой именно. Это - суд. Выбирается ли судебная власть господствующим классом посредством голосования или жребия, назначается королём или избирается всем народом, она может иметь только одну задачу - карать всякое нарушение существующего права.

Завершением государства является исполнительная власть, в руках которой находится вся материальная сила, которая изо дня в день предупреждает, пресекает и карает. Это правительство с полицией, шпионами, жандармами и армией. Различная организация правительственной власти в различные времена и в разных местах вытекала только из потребности приспособиться наилучше к данным общественным отношениям.

Все эти части государственной власти связаны между собой неразрывными узами, как звенья одной цепи. Где существует малейший зародыш власти, хотя бы только в виде обязательных общих законов, рано или поздно, с естественной необходимостью вырастает вся государственная машина: в начале суд, потом более или менее смягчённая форма правительства, а затем и подходящая форма организованной силы. Будут ли законы просто называться правилами для регулирования производства, будет ли правительство носить скромное название центрального промышленного комитета, а какая-либо общественная группа примет кличку хотя бы почетных граждан - охранителей порядка, - всё равно перед нами зародыш, который скоро превратится в настоящего государственного вампира. Поэтому отрицание армии и полиции - есть отрицание и правительства, и суда, и закона.

Такое полное отсутствие государственной власти мы видим только в первобытном обществе, где отсутствовало деление на классы, то есть собственность была коммунистической. Мы не видим там законов: их заменяет обычай. Там нет суда, потому что носитель обычая, как и собственности, является всё общество. Отсутствует и исполнителная власть, так как нет её основы - закона и суда. Итак, в пику всем сознательным и бессознательным идеологам кулака и полиции, человечество целые тысячелетия жило и развивалось, вело самую суровую борьбу с природой без всякой благодетельной государственой власти.

История государства есть история порабощения трудящихся масс, история гнета, грабежа и насилия. Государство всегда давило своей тяжёлой лапой все стороны человеческой деятельности. Под его ядовитым дыханием глохли искусства, умирала поэзия,погибали бесплодно благородные стремления к свободе и свету.

Посмотрите историю человечества. Если вы натолкнётесь на какой-нибудь светлый оазис, вы сейчас же убедитесь, что это время отсутствия или ослабления государственной власти. Почему так рано застыли на известной ступени развития восточные народы? Потому что с усилением классовых противоречий, создалась и окрепла сильная государственная власть, которая убила все порывы к духовному творчеству, задушила культуру.Когда наступило самое цветущее время эллинизма? Когда городская община, хотя и жившая соками рабов, сама внутри себя не знала классовых противоречий и потому не нуждалась в сильной власти. Но как только и в городской общине обнаружился глубокий антагонизм и выросла власть государства, эллинцы начали чахнуть. Рим никогда не знал самостоятельной культуры, которая могла бы пойти в сравнение с греческой, потому что суровая государственая власть, которая с самого детства придавила римский народ, убила свободное творчество. И как материальную пищу римский господствующий класс бесстыдно высасывал из соков рабов всего мира, так же бесцеремонно он жил духовной пищей других народов. Только одно создал этот народ-государственник: это римское государственное право, которое всегда потом служило орудием угнетения, порабощения трудящихся и оправданием всякого насилия и зверства.

А городские коммуны и вольные города начала средних веков? Где причина их чудесного внезапного расцвета? В том, что в борьбе с феодализмом господствующий городской класс нуждался в постоянной деятельной помощи народа и потому создал крайне слабую, едва заметную государственную власть. Но как только в коммунах усилилось государство, смертный приговор был подписан, и коммуны умерли духовно: замолкли песни трубадуров, умерло дивное народное искусство, всё зачахло и потухло...А чем объясните вы культурное первенство Англии, чем, как не тем фактом, что она никогда не знала такой свирепой государственной власти, как континентальная Европа?

Государство убивает человеческую личность и тем вырывает благородные корни культуры умственной и моральной. В государстве нет свободных людей - в нём все чиновники или подданные. Его идеал - даже подданных сделать своими чиновниками, чтобы привязать всех к своей позорной колеснице и искоренить всякую возможность социальной революции.

В Риме господствующий класс сделал грандиозную попытку взять себе на жалованье целый класс, именно, римский пролетариат, и этим, действительно, отсрочил свою гибель. Но и Рим осуществил только часть государственного идеала, ибо за подкупленным пролетариатом остался ещё один класс - рабы, которых нельзя было взять на государственную службу, потому что некому было бы кормить аристократов и давать озверевшей черни "хлеб и зрелища". Союз этого класса с варварами и разрушил римское общество.

Буржуазия также делает все попытки к тому, чтобы привязать пролетариат к буржуазному государству и тем подкупить и развратить его. Умственных пролетариев она привлекает прямо на государственную службу. промышленных рабочих она старается связать государственным страхованием. Государство старается забрать в свои руки возможно большее количество промышленных предприятий и стать хозяином возможно больших масс рабочих. Но все свои усилия оно направляет к тому, чтобы самые революционные элементы современного общества за-

интересовать в своём существовании: с этой целью оно создаёт так называемый "государственный социализм" и привлекает рабочих к участию в законодательной деятельности. Поэтому социал-демократия своей парламентской тактикой бессознательно куёт цепи, которые связывают рабочий класс и делают его орудием буржуазного государства.

Но идеал государственного порабощения осуществит только социалистическое государство: ведь там все чиновники, даже больше – "промышленные солдаты". Трудно представить себе более сильное государство, трудно придумать более страшное рабство. Горе человечеству, если пролетариат продаст священное право свободы личности за чечевичную похлёбку грубо животного, стадного довольства... Нет! Пролетариат не оденет на себя страшного ярма государственной власти, потому что она не только не нужна ему, но и вредна. Государство не нужно, потому что, с уничтожением классов, отпадает самая главная функция – охрана господства одного класса. Все же остальные функции прекрасно могут исполняться частными вольными ассоциациями. Почта, телеграф, пути сообщения не только не выигрывают от государственной монополии, но много теряют, т.к. государство подчиняет их своим интересам господства и эксплуатации. Ещё больше теряет народное образование от вмешательства государства, которое своей официальностью, бюрократизмом, игнорированием индивидуальности и авторитаризмом вносит настоящий яд в духовную пищу народа и пропитывает его предрассудками, которые являются самым сильным препятствием его собственного освобождения. И университеты процветают тем больше, чем они свободнее от пут государственного паука. Даже в своей специальной области, в военном искусстве, государство бессильно, и успехи военного знания обязаны только военным обществам, как не вышел ещё ни один гений из патентованных университетов и академий. ВЛАСТЬ УБИВАЕТ ИНИЦИАТИВУ, без которой невозможно ничто великое.

Но, может быть оно нужно для руководства производством? Какая ограниченность! Разве можно руководить производством, не руководя производителями? Разве можно "управлять вещами", не управляя господами вещей – людьми? Ясно, что невинное "руководство производством" скрывает под собой такую же форму господства, как капитализм или рабство, что мы показали уже выше. Устранять же перепроизводство и недопроизводство могут и вольные рабочие ассоциации посредством свободных соглашений, как это теперь довольно часто делают тресты. Почему капиталисты могут прекрасно регулировать производство без помощи, а иногда и за спиной государства, посредством простых договоров, а рабочие ассоциации этого не смогут сделать? Почему хорошо поставленная статистика, при современных средствах сношений, не может ещё больше облегчить задачу регулирования производства?

Бросьте общий взгляд на современную промышленность. В основе она представляет целую систему рабочих ассоциаций. Каждая из них, создав массу продуктов, передаёт их совершенно лишнему в производстве человеку – капиталисту. От него продукты переходят в руки це-

Зачем же нужно государство пролетариату? Угнетать ему некого, так как торжество пролетариата есть смерть классов и привилегий. Охранять существующую форму собственности бессмыслица там, где господствует полный коммунизм, то есть собственность всех. Защищать установившийся порядок от изменений противно основным интересам рабочего общества, которое может только выигрывать от беспрерывного развития новых форм общежития. Кому же нужна в будущем государственная власть, когда она может приносить только вред, внести разврат властолюбия, стать угрозой народной и личной свободы и убивает смелые порывы свободной человеческой личности?

лого ряда посредников, оставляя у каждого добрую долю, и, наконец, попадает отчасти в руки создавшей их ассоциации, отчасти в руки других рабочих ассоциаций. Зачем продукт должен был сделать этот бессмысленный круговорот, вместо того, чтоб естественно перейти прямо к производительным рабочим ассоциациям? Этого требует частная собственность. Ясно, что стоит только современным рабочим ассоциациям отказаться от предрассудка частной собственности и признать, что всё принадлежит всем, и сразу вся свора паразитов оказывается за бортом, исчезает голод, безработица, наёмный труд,-исчезает капитализм, так как мир оказывается простым вольным союзом рабочих ассоциаций, общество стало коммунистическим и анархическим.

Что может этому помешать? Только одна сила – Государство, ведь сама буржуазия, малочисленная и трусливая, не могла бы даже оказать малейшее сопротивление многочисленным, сплочённым и революционным пролетариям. Вот почему РАЗРУШИТЬ ГОСУДАРСТВО уже ЗНАЧИТ СОВЕРШИТЬ ГЛАВНУЮ РАБОТУ СОЗИДАНИЯ НОВОГО ОБЩЕСТВА.

Мы не хотим сочинять какой-то новый мир. Нет! Мы хотим устранить только с пути то препятствие, которое не даёт современному обществу мирно перейти в другую фазу и явно толкает его к новому варварству и гибели. Мы видим, что в недрах современного общества вполне созрели начала коммунизма и анархии, а государство насильственно охраняет современный порядок нищеты, бесправия, невежества, и естественно сам собою напрашивается лозунг:

ДОЛОЙ ГОСУДАРСТВО!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ АНАРХИЯ!

Я.Новомирский.
"Манифест анархистов-коммунистов".
Издание группы "Новый мир" 1905 г.
стр. 20 – 27.

ДЕКЛАРАЦИЯ ВОЛЧЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ.

Слепые щенки мирового прогресса,
Мы помним с молочных клыков
Над нами, волчатами русского леса,
Портреты седых вожаков.

От них мы путёвки под зад получили
В наш пёстрый обманчивый век
Глухою порой выпрямленья извилин...
Шаг влево, шаг вправо – побег!

Мы цепкой петляли по первому снегу,
Когда самых зорких из нас
Учили стрелять при попытке к побегу,
И, кровью окрасивши наст,

Мы твёрдо усвоили эту примету,
Наш волчий, нехитрый удел:
Держаться подальше от этого цвета!
Шаг влево, шаг вправо – расстрел!

Познавшие вкус в окровавленном снеге
Смогли незаметно свернуть.
Стрелявшие метко в живые побеги
Расчистили к падали путь.

А самые чуткие, в воздухе прелом,
Заслышав глухую капель,
Учились стрелять при попытке к расстрелу...
Шаг влево, шаг вправо – дуэль!

Кто выбрал свинец, кто – медаль, кто – ошейник,
Кого посадили на цепь...
Какой-то по-волчьи недобрый волшебник
Нас гонит в голодную степь.

Как много нас, серых – рязанских, тамбовских,
Сибирских, уральских волков!...
И вздыбленный снег застывает коростой...
Шаг влево, шаг вправо – готов!

Мы с вами единым тюремным покроем
Повязаны, как ни крути.
И все перестройки понурого строя –
Этапы большого пути.

Увязнув в кандальном, малиновом звоне,
Под сердцем ласкаем свинец,
И окрик привычный висит над колонной:
Шаг влево, шаг вправо ...

Сергей Зиннер.
Ангарск.

